

Каблучкова Т.В.

Отзыв о IX Международной летней конференции «Грани души. Перспективы типологических исследований» (Москва, 14-16 июня 2013)

IX Международная конференция МААП для меня стала в некотором смысле граничной вехой в восприятии подобных мероприятий. Веха эта пролегла в нескольких местах:

- относительной значимости теоретического и практического наполнения конференции,
- соотношения моего пассивного и активного участия,
- возможности сравнения фактического присутствия на конференции и дистантного участия в ней.

Первая веха непосредственно касается тем и содержания лекций, супервизий и воркшопов. Впервые за все предыдущие случаи моего участия в конференциях МААП мне показалось, что именно на воркшопах и супервизиях я действительно смогла взять что-то ценное для своего развития как практикующего аналитического психолога. Особенно это касается супервизий Джона Биби и Генри Абрамовича: глубокое метафорическое использование клинического материала, тонкие замечания, бережное и поддерживающее отношение как к клиенту, так и терапевту с одновременным затрагиванием сложных и вызывающих затруднения мест терапии оказали на меня по-настоящему трансформирующее воздействие, придав глубину и объёмность восприятию похожих элементов из моей собственной практики. Что касается воркшопа Ирины Алеевой про лунные узлы нанатальной карте, на котором я присутствовала, то он отличался грамотной и доступной подачей астрологического материала с сохранением его полноты и ёмкой глубинно-психологической переработкой. Кроме того, структура воркшопа была профессионально спланирована по соотношению теоретической и личностно наполняемой практической частей, последняя из которых произвела сильное впечатление из-за произошедшего соприкосновения с темами своего собственного ресурса и предназначения.

Интересной и практически значимой была лекция Елены Пуртовой о смене терапевтов. Очень тезисно, с одной стороны, и наглядно – с другой – она развернула этот непростой практический вопрос, связав его с архетипическим сказочным сюжетом матери-мачехи, аналитическим завещанием, терапевтической тенью аналитика и перспективным значением фантазии о передаче клиента коллеге.

Своеобразным контрастом стали темы лекций зарубежных гостей конференции. Ни одна из них не принесла открытий или хотя бы обновления моей теоретической базы. Особенно это касается типологического подхода Джона Биби. На мой взгляд, в его концепции произошло излишнее стремление сконцентрировать внимание только на пальце, указывающим на луну, как будто изучение этого пальца вполне достаточно, чтобы понять и свойства самой луны (здесь я воспользовалась метафорой, приведённой Куглером в лекции «Творческое воображение: еретическая идея»). Функции сознания – не более, чем способы ориентации эго, предназначенные для распознавания разных аспектов психической и внепсихической реальностей, при этом каждая функция отвечает за различение своего аспекта. Так, мышление и чувство потому рациональны, что ориентируют эго внутриспсихически, а интуиция и ощущение направлены на внепсихический мир, который независим от деятельности психики и, в частности, эго, потому иррационален, как и способы его восприятия. В лекциях Биби, на мой взгляд, есть подробное описание того, как выглядит снаружи использование той или иной функции, а также столь же описательная их персонификация типическими жеархетипическими фигурами. Мне не хватило в этих описаниях глубины понимания процесса, приводящего к развитию лишь одной доминантной функции (причём для каждой можно обнаружить и объяснить подобный процесс!) и общепсихического значения последовательного развития не использующихся функций, кроме стабильного упоминания слова «индивидуация». Иными словами, в лекциях Биби отражена статика – как описание мгновенного фото, выхватившего текущий момент использования функций из психического контекста. Я бы сравнила это с медицинским описанием дефекта развития того или иного органа чувств у пациента (эта метафора – прямая телесная аналогия психических способов ориентации, коими и являются функции сознания): рассказ врача о том, что пациент не пользуется, к примеру, слухом и нюхом, а предпочитает рассматривать предмет глазами, хотя все

рецепторы у него в порядке. Однако, врач не интересуется, что привело пациента в такое состояние, что ему пришлось отказаться от слуха и нюха, и не объясняет, для чего ему их развивать, если ему и так достаточно комфортно. Поняв цель отказа от пользования всей полнотой сознания, можно увидеть значение её восстановления. К примеру, если человек использует только мышление (аналогия зрения как направленного вперёд и различающего чёткие детали предмета рассмотрения), он отсекает чувственную составляющую как себя, так и предмета своего изучения, уплощая его только до объективной составляющей, включая и переживание себя как объекта. Чувствование, то есть понимание и оценка собственного состояния каждого участника процесса делает плоский и поверхностный объект объёмным субъектом, и тогда в сознающем контакте участвуют уже два субъекта – и каждый обладает субъективной переживаемой ценностью. Подобного динамического подхода к каждой функции мне и не хватило в лекциях Джона Биби. Зато, возможно, наметилась тема моей собственной статьи. Вдохновение – великий подарок, за этот момент я и благодарна «великому типологу современности».

Пол Куглер привнёс в конференцию исторические нотки, сдобренные отчасти ностальгией, отчасти преподавательским оттенком историка глубинной психологии. И то, и другое хорошо сочеталось с моим предварительным впечатлением от автора «Алхимии дискурса», по которой я провела воркшоп на этой же конференции. Удивительным в выступлениях Куглера оказались не исторические справки, касаемые Эраноса и развития отношения к психическим образам и креативности, а восприятие этих лекций при непосредственном участии в конференции и дистантном слушании. Это кардинальное различие выяснилось при обсуждении итогов прошедшей московской конференции с коллегами УрААПП, принимавших участие в вебинаре. Когда я находилась в зале на лекции Куглера, я была захвачена интересом к каждой дате, каждой фотографии, каждой картине, появлявшихся на экране за спиной Куглера и над головами зрителей (особенно впечатлили меня картины Юнга, написанные им в 1901-1903 гг., сравнимые по художественной ценности с картинами Айвазовского и Левитана). Это было глубокое соучастие событиям, о которых шла речь выступающего. Сначала я предположила, что мой интерес крайне субъективен и корыстен (как преподавателя истории психоаналитического движения), однако, обсуждение впечатления от материала с коллегами тут же после лекции показало, что это переживание погруженности в историческую перспективу произошло не только у меня. И это привело к особенному контрасту, когда участники вебинара поделились с теми, кто приехал из Москвы, атмосферой скуки, сонливости и пустоты, царившей в аудитории по ту сторону экрана вебинара. Как будто личное участие Куглера в описываемых событиях или его увлечённость историческими изысканиями значения экспрессивного искусства и психических образов не смогло прорваться через всемирную сеть, оставшись связанными с его телесным присутствием на выступлении.

В целом, конференция для меня стала скорее лёгким и интересным приключением, чем глубокой тяжёлой работой, каковой были мои предыдущие участия в подобных мероприятиях МААП. Осталась небольшая неудовлетворённость от поверхностного теоретического наполнения, зато есть и приятное объёмное послевкусие от практики воркшопов, супервизий и личного общения с участниками конференции.